

УДК 82-93

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-12-24

Понятие «Детская литература»: к постановке проблемы

Екатерина Ю. Леонова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, leonova.ekaterina.u@gmail.com*

Аннотация. В статье ставится цель охарактеризовать специфику понятия «детская литература» с точки зрения социологических и структурных критериев. В статье собраны основные доводы в пользу существования понятия, проанализирована их обоснованность. Категория адресата как основного критерия признана недостаточной. В субъектно-объектной организации эпического и лирического текста рассмотрены тип героя, тип повествователя, точка зрения, хронотоп, а также приведены мнения об особенностях художественных средств, свойственных детской литературе. Так, в детской литературе преобладает тип героя-ребенка или героя визуально меньшего размера, который не меняется внешне и внутренне, но в состоянии изменить мир вокруг себя. Повествователь обладает ярко выраженной точкой зрения. Хронотоп в детской литературе упрощен путем создания миров с более простой социальной организацией, отнесенных в прошлое или «иную реальность», основные действия происходят в знакомых ребенку топосах. В результате работы делается предположение о двухадресности большей части детской литературы, а также необходимости сочетания нескольких критериев для формирования «детского дискурса». В качестве примеров служат признанные литературой для детей произведения различных жанров.

Ключевые слова: детская литература, герой-ребенок, категория адресата, точка зрения, субъект речи, хронотоп, субъектно-объектная организация

Для цитирования: Леонова Е.Ю. Понятие «Детская литература»: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 12–24. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-12-24

The concept of Children's literature. Statement of an issue

Ekaterina Yu. Leonova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
leonova.ekaterina.u@gmail.com*

Abstract. This article aims to characterize the specifics of the concept of children's literature in terms of sociological and structural criteria. The article compiles the main arguments in favor of the existence of the concept, analyzes their validity. The addressee category as the main criterion is recognized as insufficient. The type of the character, narrator, point of view, chronotope are considered in the subject-object organization of the epic and lyric texts. Opinions on the artistic means of children's literature are given as well. So, in children's literature, a child as a type of character or of a visually smaller character prevails, that type does not change externally and internally, but he is able to change the world around him. The narrator has a strongly pronounced point of view. The chronotope in children's literature is simplified by creating worlds with a simpler social organization, referring to the past or "another reality", the main actions occur in toposes familiar to a child. As a result of the work, an assumption is made that the most part of children's literature is two-addressable, as well as that there is the need to combine several criteria to form a "children's discourse". Examples include works of various genres recognized as a literature for children.

Keywords. children's literature, hero-child, addressee category, point of view, subject of speech, chronotope, subject-object organization

For citation: Leonova, E.Yu. (2020), "The concept of Children's literature. Statement of an issue", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 12–24, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-12-24

Библиографический словарь «Русские детские писатели XX века» насчитывает 252 имени [Арзамасцева 2001]. Очевидно, что среди них есть и те, кто когда-либо писал для взрослых: Л.Н. Толстой, А.И. Куприн. Но что значит «детский писатель»? Как провести границу между писателями «взрослыми» и детскими, между произведениями одного автора для взрослых и для детей? Создатели словаря не отвечают на эти вопросы.

Детская литература долгое время стояла в ряду массовой, и ее художественная ценность не получала высоких оценок. Однако в последнее время, по замечанию многих исследователей [Карпухина 2015; Мещерякова 1997], отношение к ней поменялось. Особенно

актуализировался вопрос о статусе детской литературы, о том, является ли это понятие сугубо издательским / социологическим, или можно говорить об особой поэтике детской литературы? Поэтому целью настоящей работы является систематизация исследований, позволяющих подойти к ответу на данный вопрос. В числе задач статьи, в первую очередь, входит описание основных критериев, по которым детская литература может быть выделена, выявление противоречий и проблем, связанных с этим понятием. В частности, будут затронуты критерии социологические – то, как принято выделять литературу для детей, а также критерий структурный: в рамках субъектно-объектной организации эпического и лирического текста будут рассмотрены тип героя, тип повествователя, точка зрения, хронотоп, а также приведены мнения об особенностях художественных средств, свойственных детской литературе. В качестве примеров послужат признанные литературой для детей произведения различных жанров.

Споры о существовании детской литературы как отдельной области словесного искусства можно найти еще в XIX в. В монографии «Русская, детская подростковая и юношеская проза второй половины XX века: проблемы поэтики» М.И. Мещерякова освещает историю этого вопроса, в том числе упоминая статью В.Г. Белинского «Подарок на новый год. Детские сказки дедушки Иринаея» (1840), в которой автор спорил с противниками детской литературы, настаивая на ее особой сущности. Он полагал, что детская литература в первую очередь обращается к чувству, а не рассудку ребенка. Против детской литературы выступал Д.И. Писарев, называя ее искусственной отраслью [Мещерякова 1997]. В ответ на предположение, что если произведение «взрослое» вдруг может оказаться в области детского чтения, «мигрировать», то нет смысла выделять детскую литературу, М.И. Мещерякова утверждает, что далеко не все произведения могли и могут стать детскими. Их авторы «независимо от субъективных намерений объективно почувствовали интересы и возможности юных читателей» [Мещерякова 1997, с. 7]. Неслучайно «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Путешествия Гулливера» Д. Свифта адаптируют для детского чтения. Похожим образом появился рассказ «Каштанка»: А.П. Чехов переделал рассказ «В ученом обществе», сделав его более доступным для детей. Таким образом, ориентация на читателя-ребенка, или категория адресата, становится определяющей в вопросе о детской литературе.

Как же определить потенциального адресата художественного произведения, обнаружить те возможности читателя, на которые рассчитывал в произведении автор? Об этом сказано гораздо

меньше. Очевидно, что это могут быть жанровые определения, которые дают сами авторы (роман для детей Ю. Олеси «Три Толстяка», «Нравоучительные повести для детей» В.Б. Бажанова (1911), «Рассказы для детей» М. Зощенко», «Хрестоматия школьника» В. Драгунского), авторские подзаголовки («Книгоед: Сказка для детей с крепкими нервами» В. Аренева, «Вредные советы для детей и не только» Г. Остера, «По щучьему велению. Сказка для очень современных детей» А. Усачева, «Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы: Страшная повесть для бесстрашных школьников» Э. Успенского).

Однако все рассмотренные тенденции так или иначе имеют исключения из правил. Многие произведения рекомендуются как детям, так и взрослым. У Ю. Мориц считающиеся детскими стихотворения адресованы детям «от 5 до 100 лет» [Мориц 2017]. Е.А. Полева отмечает, что «Советы» Г. Остера в равной степени адресованы детям и их родителям [Полева 2013]. Вероятно, стоит поставить вопрос не о разделении детской и взрослой литературы, а о выделении внутри литературы произведений, способных войти в круг детского чтения.

Нельзя не вспомнить нововведение последнего десятилетия: маркировка книг по возрасту. Как она происходит? Единственное, что волнует издателя при адресации книг по тому или иному возрасту, – то, чего в произведении быть не должно: сцен насилия, эротических сцен, употребления нецензурной брани и т. д. Однако не только ограничениями в тематике определяется адресат, ведь тогда получится, что литература, подходящая взрослым, должна содержать либо сцены насилия, либо нецензурную брань, либо эротику.

Более того, прежде чем говорить о детской литературе, или литературе для детей, нужно определиться с самим понятием детства и ребенка. Так, в медицинском праве и философии ребенком считается человек до 18 лет. В психологии по одним данным – до 12 лет, по другим – до 16–17 лет. В педагогике в России – до 12 лет [Кряжева 2010]. О детях как о субэтносе говорила Маргарет Мид в работе «Культура и мир детства» [Мид 1988].

Л.С. Выготский посвящает одну из своих работ исследованию фантазии ребенка и подростка (творческой деятельности, основанной на комбинирующей способности мозга человека), где проводит конкретные различия между ними и взрослыми [Выготский 1997]. Воображение зависит от опыта, а так как интересы ребенка и взрослого различны, воображение работает иначе. По его мнению, воображение ребенка беднее, чем у взрослого, отношения с действительностью не так сложны и многообразны, но в то же время ребенок или подросток более склонен доверять продуктам своего

воображения. Четкое различие между воображением ребенка и взрослого, а значит и восприятием мира вокруг, может дополнительно проиллюстрировать необходимость в разделении литературы для детей и взрослых, где первая будет иначе выстраивать образы в воображении.

Исследование продолжил петербургский институт искусствоведения. Ребенок, как утверждается в этих работах, обладает особенной картиной мира, особенным ее восприятием, а фольклор служит для передачи такой картины мира, ее сохранения. Кажется, то же можно сказать и о детской литературе [Кряжева 2010].

Одним из оснований для выделения детской литературы стала ее особенная связь с фольклором, ведь понятие детского фольклора является общепринятым. В лирической поэзии, а также во многих прозаических жанрах (школьной повести, «страшных» историях) детской литературы такая связь прослеживается особенно. С.М. Лойтер установила, что детская литература и фольклор имеют общие психо-социо-культурные истоки, что о литературе «взрослой» сказать нельзя [Лойтер 2002]. Примеры этого можно найти не только у писателей-фольклористов (О.И. Капица, И.В. Карнаухова, Т. Маврина и др.), но и у К. Чуковского, прямо говорившего о своих обращениях к фольклору. Мифологический генезис, поэтическая образность (частотность олицетворений, акустических образов), местоименная поэтика, диалогичность, ритмическая организация и интонационная структура – основные принципы поэтики детского стиха, – также восходят к детскому фольклору [Лойтер 2002, с. 274]. Как и поэзия для детей, детский фольклор имеет игровой характер. И в детской литературе, и детском фольклоре происходит поэтизация обыденного, сказочные превращения и уподобления, слова воспринимаются как «необъятная область исторической прапамяти» [Лойтер 2002, с. 40]. Отметим, что в то же время детская литература сама влияет на детский фольклор, о чем говорит широкое распространение страшилок после выхода книги Э. Успенского «Красная рука, черная простыня и зеленые пальцы». Литературные истоки есть и у садистских стишков, по мнению А.Ф. Белоусова [Белоусов 1995, с. 690]

Несколько исследований связано с прояснением связи между авторской сказкой и сказкой народной [Леонова 1982; Овчинникова 2003]. По мнению Овчинниковой, различие между сказками для детей и взрослых существует. Оно выражается в большей усложненности художественного мира в литературе не для детей, стремлении авторов отразить свои «раздумья» о вопросах времени [Овчинникова 2003, с. 352]. Авторская позиция здесь многогранна. Для ее выражения автор пользуется разными стилистическими

приемами. Детским сказкам в первую очередь присущ дидактизм как «уроком традиционных сказок в увлекательной форме» [Овчинникова 2003, с. 77].

По мнению Н.И. Мещеряковой, дидактизм изначально был ведущим принципом произведений для детей. Традиция удержалась и стала отличительной чертой [Мещерякова 1997, с. 11]. Ф.И. Сетин отмечал слияние в детской литературе законов искусства и педагогических законов [Сетин 1990]. По мнению И.Н. Арзамасцевой, детская литература призвана доставлять эстетическое наслаждение и способствовать формированию личности [Арзамасцева 2013]. Ту же идею находим у В.Н. Карпухиной, когда она говорит, что книги для детей создавались в рамках общественных установок, связанных с обучением, социализацией и «аккультурацией» [Карпухина 2015]. Однако все ли детские произведения можно назвать дидактичными? Конечно, «Вредные советы» Г. Остера воплощают один из интересных педагогических приемов воспитания «от противного», но «частушечки-хохотушечки» Ю. Мориц, юмористические рассказы М. Москвиной и лирика А. Гиваргизова скорее развлекают, чем учат. Что дидактичного в рассказе о нагрывавших друг за другом происшествиях: потопе, пожаре и мнимой смерти героя в рассказе М. Москвиной «Сейчас он придет и будет весело»? С другой стороны, дидактизм достаточно часто присутствует в идеологически ангажированных «взрослых» книгах (например, жанр производственного романа и т. п.).

Кроме дидактизма, в научной традиции выделяются также тематические особенности детской литературы. Обобщить этот круг тем удалось И.Г. Минераловой. По ее словам, детская литература стремится показать, «что такое и кто такой ребенок, что такое его микрокосм, что такое его макрокосм, т.е. все, окружающее его» [Минералова 2002, с. 18]. Действительно, место действия в рассказах, так или иначе получивших подзаголовки «для детей», – это не заводы, офисы или хирургические отделения, а школа (В. Голявкин, В. Драгунский, Н. Носов, М. Дружинина), квартира (О. Кургузов, Г. Остер), сельская местность («Дядя Федор, пес и кот»), улица (К. Драгунская, Ю. Мориц) и другие топосы, которые находятся в пределах привычной картины мира ребенка.

Не раз отмечалось, что дети обладают конкретным мышлением, поэтому созданный для ребенка текст будет более детализирован, пространство сужено [Мещерякова 1997] и, следовательно, смена локаций в сюжете ограничена. Нам это замечание кажется особенно справедливым, если учесть, что «необычное место» в детской фантастической литературе часто становится текстопорождающим и выделено в названии: «Хроники Нарнии» (К. Льюис), «Королев-

ство Кривых зеркал» (В. Губарев), «Волшебник Изумрудного города» (А. Волков), «Черная курица, или Подземные жители» (А. Погорельский), «Заводной мир» (Тим Собакин), «Алиса в стране чудес» (Л. Кэрролл), «Пуговичный городок» (Галина Дядина) и др.

Конкретный временной промежуток, наоборот, не указывается. Отдельно стоит отметить фантастику, где хоть и создается иной мир, но все равно исключаются «взрослые» топосы, исторические события и другие «маркеры времени» (интересно, что фантастический мир часто изображен менее развитым, упрощенным, находится на одной из предыдущих стадий развития общества: средневековый мир рыцарей в «Хрониках Нарнии», аграрные поселения в романах А. Волкова «Волшебник Изумрудного города»). Такой упрощенный хронотоп обеспечивает понимание созданного мира своим адресатом-ребенком.

К.А. Фролов в кандидатской диссертации «Языковая специфика текстов художественной прозы для детей» [Фролов 2003] анализирует детскую художественную литературу с точки зрения лингвистики: в центре внимания оказывается набор языковых единиц текстов (их частотность и информативность), насыщенность текстов тропами и лингвистические категории образа автора и читателя. Фролов ставит вопрос о наличии особого субъязыка детской литературы по аналогии с языком ребенка и языком художественной литературы, что дает ему основание разделить тексты для детей по уровню развития языковой личности (по уровню языковой релевантности): до 5, 7–8 и 10–11 лет. Ключевым изменяющимся параметром внутри этих групп является количество средств, пробуждающих рефлексию: уровень актуализации, тропеические средства, композиция текста (особенно смена точек зрения), интертекстуальность (аллюзии, реминисценции, цитаты, пародии). Таким образом, в работе выясняется зависимость специфика текста от адресата. К сожалению, работа не предоставляет точных данных, апеллируя лишь понятиями «довольно мало», «достаточно» и «встречается», а потому требует дальнейшей разработки для применения.

Переходя к субъектно-объектной организации текста, стоит отметить, что героями произведений для детей часто также становятся сами дети. В центре сюжета самых популярных рассказов для детей – «Витя Малеев в школе и дома», «Приключения Петрова и Васечкина», «Волшебник Изумрудного города», «Денискины рассказы», рассказов К. Драгунской, О. Кургузова, М. Москвиной, Е. Ракитиной и многих других детских писателей, находится персонаж, который еще учится в школе, живет с родителями, братьями и сестрами. Но не получается ли тогда, что роман Д. Тарт «Щегол»,

У. Голдинга «Повелитель мух», повесть Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» – детская литература?

Сравнивая героев этих романов с детскими произведениями, кроме более сложного сюжетного и разнообразного тематического содержания, можно обнаружить разницу и в типе героя. Тео, герой Донны Тарт, заглядывает в прошлое и к моменту начала рассказывания уже является взрослым персонажем. Дети у Голдинга в течение их пребывания на острове («Повелитель мух») дичают и во многом перестают отличаться от взрослых. Как Тео, так и все персонажи «Повелителя мух» претерпевают значительную эволюцию, в то время как герои произведений для детей застывают в своем возрасте. Ярким примером тому является сказка «Питер Пэн», где главный герой сознательно не хочет взрослеть, то есть как-либо меняться. Герои романа «Хроники Нарнии» взрослеют в волшебной стране, но, возвращаясь в Англию, вновь становятся детьми, т. е. взрослеют «не по-настоящему». В то же время герои повести Р. Брэдбери даже за лето (четко отмеренный промежуток времени) успевают измениться, что у себя в блокноте отмечает Дуглас в разделе «Открытия и откровения».

«Незавершенность» героя-ребенка – вероятно, то, что отличает детскую литературу и позволяет некоторым «взрослым» произведениям перейти в круг детского чтения. Оливер Твист, так и не повзрослевший мальчик из романа Чарльза Диккенса, сейчас также известен многим детям. Другого рода «незавершенность» – фактический визуальный размер героя, отличающийся от жизненного, – тоже часто отличает героев в литературе для детей. Здесь стоит вспомнить не только сказку «Мальчик-с-пальчик» Ш. Перро или рассказы Н. Носова о Незнайке, но сборник рассказов А. Усачева – «Маленький человек», в котором герой действительно был меньше остальных людей.

Но в то же время детская литература не ограничивается литературой о детях. Так, весомую часть занимает литература о животных: рассказы В. Бианки («Лесная газета»), творчество Э. Успенского («Невероятные истории про любимых питомцев»), С. Маршака («Детки в клетке»), Р. Киплинга («Сказки и рассказы о животных»), Д. Смит («101 далматинец») и других. Интересно, что во многих из них животное представлено почти тем же ребенком: у Бианки – бельчата, мышата и другие маленькие «зверьки», как называют их в тексте; у С. Маршака названия стихотворений в сборнике говорят за себя: «Львенок», «Тигренок», «Страусенок» и др. У Д. Смит, как известно, большая часть далматинцев – щенки.

Непосредственно с типом героя связан тип рассказчика. С.В. Попова отмечает, что «рассказчик не может самоустраняться

[в детской литературе], его роль как незримого или зримого спутника в произведении слишком важна» [Попова 2005]. Стоит добавить, что рассказчик не стоит на границе вымышленного мира и действительности, он, как правило, находится целиком внутри произведения, что заставляет адресата-ребенка полностью погрузиться в изображенный мир. Рассказчик во многих произведениях действительно ярко выражен (рассказы М. Москвиной, В. Голявкина, О. Кургузова, К. Драгунской и др.). Перед нами не всезнающий автор, а часто все тот же герой-ребенок, являющийся вместе с тем и главным действующим лицом произведения. Однако этот закон нельзя назвать безусловным. Есть много произведений, где присутствует повествователь («Приключения Незнайки и его друзей» Н. Носова, «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова и др.), и сама форма рассказывания от лица ребенка не является, конечно, исключительно свойством детской литературы (ср. «Подросток» Ф.М. Достоевского, «Щегол» Д. Тарт и др.).

Известно, что рассказчик – это не только субъект речи, но и носитель точки зрения. Как герой воспринимает мир вокруг себя? Было описано два основных типа отношений у героя к миру в детской литературе. Это либо «открытие планеты *terra incognita*», либо деформация детского представления о нем [Минералова 2002], о чем можно судить по пародированию, передразниванию и различными комическим ситуациям. Так, рассказы о природе и животных открывают новое для ребенка, чаще всего несут образовательную функцию. Такую же роль выполняют школьные повести. Не меняя уже сформированных причинно-следственных связей, сюжет создается по известным законам и расширяет представления читателя. Волшебные сказки и фантастика допускают то, что не может случиться в настоящей жизни, тем самым не просто открывают новое, но деформируют представление ребенка о возможностях человека и мира. Юмористические рассказы и стихотворения чаще всего описывают уже знакомый мир, но с неожиданной точки зрения.

Нельзя не заметить, что литература для детей показывает особенное содержание на всех уровнях организации текста, что мотивируют взглянуть на понятие детской литературы как определенной дискурсивной формации, которая предполагает «систему инстанций субъекта, объекта и адресата дискурса, определяющую параметры коммуникативного поведения (производства и восприятия текстов), отвечающего исторически актуальному состоянию общественного сознания (социокультурной ментальности)» [Тюпа 2008, с. 61]. В таком случае, в детском дискурсе адресатом выступает ребенок, объектом – знакомый ребенку мир, субъектом – статичный образ героя-ребенка.

Таким образом, выделение принципиальных различий между взрослой и детской литературой вызывает много вопросов. Сама категория адресата, которая определена автором в названии или подзаголовке или издательством в маркировке, не выделяет однозначно все произведения, которые могут быть прочитаны и поняты детьми. В других случаях адресат может лишь предполагаться, а потому единственным верным критерием его считать трудно. Более того, психологически раннее развитие ребенка, усложнение литературных практик и как следствие миграция в прошлом текстов взрослой литературы в категорию детского чтения и вовсе смещают границу между взрослой и детской аудиторией.

В результате настоящего исследования следует признать, что только при сочетании нескольких критериев могут быть выделены те произведения, которые можно сейчас или в будущем адресовать ребенку. Прежде всего, их объединяет общность тем. Чаще всего произведение для детей о детях или маленьких животных, в каком-то смысле тех же детях. Дидактичность же, часто берущаяся за основу, свойственна далеко не всем произведениям, о чем ярко свидетельствует абсурдная или игровая поэзия. Топика также ограничена детской картиной мира, упрощена, но наглядна, а время, несмотря на насыщенный приключениями и другими событиями сюжет, останавливается и не дает героям меняться внешне и внутренне. В большинстве случаев герой детской литературы – еще не «готовый» образ, что может быть выражено визуально (при изображении размера) или при помощи называния возраста. Герой статичен, но мир вокруг него может меняться (в том числе под его влиянием) и удивлять его и читателя. Часто сам герой является субъектом речи, что говорит о выраженной, часто единственной, точке зрения. Хронотоп, тип героя и точка зрения может говорить о некоторой стилевой простоте текстов.

Благодаря сочетанию этих черт на уровне поэтики и тематики, произведение найдет отклик у ребенка и будет интересно ему. Это не будет значить, что взрослому такое произведение недоступно. Детская литература – часть литературы вообще, и приведенные критерии не сузят, а только расширят количество адресатов. Адресацию детской литературы можно, таким образом, назвать двойной, и в этом тоже будет ее отличие от литературы вообще, которая предполагает одного адресата – взрослого. Несмотря на постепенное развитие представлений о детской литературе, еще только предстоит описать уровень дидактичности в современной детской литературе, набор доминирующих средств выразительности, конкретизировать особенности хронотопа и точек зрения.

Литература

- Арзамасцева 2001 – *Арзамасцева И.Н.* Русские детские писатели XX века: Биобиблиогр. словарь / Редкол.: И.Н. Арзамасцева и др. М.: Флинта; Наука, 2001. 512 с.
- Арзамасцева 2013 – *Арзамасцева И.Н., Николаева С.А.* Детская литература: Учебник. М.: Академия, 2013. 574 с.
- Белоусов 1995 – *Белоусов А.Ф.* Воспоминания Игоря Мальского «Кривое зеркало действительности»: К вопросу о происхождении «садистских стишков» // Лотмановский сборник. 1 / Сост., ред. Е.В. Пермяков. М.: Гарант, 1995. С. 681–691.
- Выготский 1997 – *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: СОЮЗ, 1997. 96 с.
- Гиваргизов 2012 – *Гиваргизов А.* Когда некогда. М.: Самокат, 2012. 80 с.
- Карпухина 2015 – *Карпухина В.Н.* Дискурс детской художественной литературы в процессах институализации общества // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-detskoj-hudozhestvennoy-literatury-v-protsessah-institualizatsii-obschestva> (дата обращения 14 декабря 2019).
- Кряжева 2010 – *Кряжева А.Л.* Особенности вербализации понятия «child/ребенок» в различных дискурсах в английском и русском языках. М.: МГОУ, 2010. 231 с.
- Леонова 1982 – *Леонова Т.Г.* Русская литературная сказка XIX в. в ее отношении к народной сказке: Поэтическая система жанра в историческом развитии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 197 с.
- Лойтер 2002 – *Лойтер С.М.* Русская детская литература XX в. и детский фольклор: Проблемы взаимодействия: Дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. 274 с.
- Маркова 2012 – *Маркова Д.* Короткое детство // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 89–109.
- Мещерякова 1997 – *Мещерякова М.И.* Русская детская, подростковая и юношеская проза 2 половины XX века: проблемы поэтики. М.: Мегатрон, 1997. 381 с.
- Мид 1988 – *Мид М.* Культура и мир детства: Избр. произведения / М. Мид; Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева; Сост., авт. послесл., отв. ред. И.С. Кон. М.: Наука, 1988. 429 с.
- Минералова 2002 – *Минералова И.Г.* Детская литература: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2002. 174 с.
- Мориц 2017 – *Мориц Ю.П.* «Мальчик шел, сова летела...» // Мориц Ю.П. Крыша ехала домой: стихи-хи-хи для детей от 5 до 500 лет. М.: Время, 2017.
- Овчинникова 2003 – *Овчинникова Н.В.* Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика. М.: Флинта; Наука, 2003. 311 с.
- Полева 2013 – *Полева Е.А.* Педагогические взгляды детского писателя Г. Остера и особенности их выражения // Вестник ТГПУ. 2013. № 6 (134) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-vzglyady-detskogo-pisatelya-g-ostera-i-osobnosti-ih-vyrazheniya> (дата обращения 20 декабря 2019).

- Попова 2005 – *Попова С.В.* Мир детства и его художественное воплощение в мордовской прозе 1950–1990-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. 194 с.
- Сетин 1990 – *Сетин Ф.И.* История русской детской литературы: Конец X – первая половина XIX в. М.: Просвещение, 1990. 301 с.
- Тюпа 2008 – *Тюпа В.И.* Дискурсная формация // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 99.
- Фролов 2003 – *Фролов К.А.* Языковая специфика текстов художественной прозы для детей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2003. 16 с.

References

- Arzamastseva, I.N. (2001), *Russkie detskie pisateli XX veka: Biobibliograficheski slovar'* [Russian children`s writers of the 20th century. Biobibliographical dictionary]. Ed. board: Arzamasceva, I.N. et al., 3rd ed., Flinta, Nauka, Moscow, Russia.
- Arzamastseva, I.N. (2013), *Detskaya literatura* [Children`s literature], Textbook, Akademiya, Moscow, Russia.
- Belousov, A.F. (1995), "Memories of Igor Malsky 'Crooked mirror of reality'. To the question of the origin of 'sadistic poems'", *Lotmanovskii sbornik*. 1, E.V. Permyakov (compl. ed.), Garant, Moscow, Russia, pp. 681–691.
- Frolov, K. A., (2003), *Language specificity of texts in fiction for children*, Abstract of Ph.D. dissertation, Tver State university, Tver, Russia.
- Givargizov, A. (2012), *Kogda nekogda* [When there is no time], Samokat, Moscow, Russia.
- Karpuhina, V. N. (2015), "Discourse of children's fiction in the processes of institutionalization of society" [Online], *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-detskoy-hudozhestvennoy-literatury-v-protsessah-instituzatsii-obschestva> (Accessed 14 December 2019).
- Kryazheva, A. L. (2010), *Osobennosti verbalizatsii ponyatiya "child/rebenok" v razlichnykh diskursakh v anglijskom i russkom yazykah* [The verbalization features of the concept "child / child" in various discourses in English and Russian], MGOU, Moscow, Russia.
- Leonova, T.G. (1982), *Russkaya literaturnaya skazka 19 v. v ee otnoshenii k narodnoi skazke: Poeticheskaya sistema zhanra v istoricheskom razvitii* [Russian literary fairy tale of the 20th century in its relation to a folk tale. Poetic system of the genre in the historical development], Tomsk University Publishing House, Tomsk, Russia.
- Loiter, S.M. (2002), *Russian children's literature of the 20th century and children's folklore: problems of interaction*, D. Sc. Thesis, Petrozavodsk, Russia.
- Markova, D. (2012), "Short childhood", *Voprosy Literatury*, no. 5, pp. 89–109.
- Meshcheryakova, M. I. (1997), *Russkaya detskaya, podrostkovaya i yunosheskaya proza 2 poloviny XX veka: problemy poetiki* [Russian children's, adolescent and

- youth prose of the 2nd half of the 20th century. Issues of poetics], Megatron, Moscow, Russia.
- Mead, M. (1988), *Culture and the world of childhood. Selected works*. Transl. and comm. by Yu.A. Aseev. Compl. and afterword by I.S. Kon (ex. ed.). Nauka, Moscow, Russia.
- Mineralova, I.G (2002), *Detskaya literatura* [Children's literature], Academic manual for university students, Vlado, Moscow, Russia.
- Morits, Yu.P. (2017), "The boy walked, the owl flew..." , *Krysha ekhala domoi: stihi-hi-hi dlya detei ot 5 do 500 let* [The roof was driving home. Poems for children from 5 to 500 years old], Vremya, Moscow, Russia.
- Ovchinnikova, N.V. (2003), *Russkaya literaturnaya skazka XX veka: istoriya, klassifikatsiya, poetika* [Russian literary fairy tale of the 20th century. History, classification, poetics], 2nd ed., Flinta, Nauka, Moscow, Russia.
- Poleva, E.A. (2013), "Pedagogical views of the children's writer G. Oster and the features of their expression" [Online], *TSPU Bulletin*, no. 6 (134), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-vzglyady-detskogo-pisatelya-g-ostera-i-osobennosti-ih-vyrazheniya> (Accessed 14 December 2019).
- Popova, S.V. (2005), The world of childhood and its artistic embodiment in Mordovian prose of the 1950–1990s, Abstract of Ph.D. dissertation, Saransk, Russia.
- Setin, F. I. (1990), *Istoriya russkoi detskoj literatury, konets X pervaya pol. XIX v.* [The history of Russian children's literature, the end of the 10th – first half of 19th cent.], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Тура, В. И. (2008), "Discourse Formation", Tamarchenko, N. D. (ed), *Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatii* [Poetics. A dictionary of relevant terms and concepts], Izdatel'stvo kulaginoi, Intrada, Moscow, Russia. p. 99
- Vygotskii, L.S. (1997) *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creative work in childhood], Soyuz, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Екатерина Ю. Леонова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; leonova.ekaterina.u@gmail.com

Information about the author

Ekaterina Yu. Leonova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; leonova.ekaterina.u@gmail.com